

# Археологические вести

— 26 —



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

---

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE



*А. П. С.*

# Archaeological news

26  
(2020)

*On the 90<sup>th</sup> anniversary of Aleksandr Danilovich Grach*



SAINT PETERSBURG  
2020

# Археологические вести

26  
(2020)

*К 90-летию Александра Даниловича Грача*



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
2020

Издание основано в 1992 году

*Редакционная коллегия:*

Н. В. Хвоцинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

*Редакторы-составители:* А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

*Рабочая группа:* В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Д. Г. Савинов

*Рецензенты:* доктор исторических наук, профессор И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров

**Археологические вести**, Институт истории материальной культуры РАН. – 1992. – **Вып. 26** / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. – СПб., 2020. – 304 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередном выпуске «Археологических вестей» ИИМК РАН публикуются избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача – выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии и основателя двух направлений в рамках ленинградской археологической школы: археологического изучения Тувы и археологического изучения Ленинграда / Санкт-Петербурга. Отдельный раздел затрагивает актуальные проблемы спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В мемориальной части помещены воспоминания младших коллег и друзей А. Д. Грача о его научном пути в археологии, разносторонне характеризующие его личность и вклад в развитие археологии Тувы и Санкт-Петербурга. Важную часть составляют документальные свидетельства, связанные с работой А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР, его руководством крупнейшей в СССР Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, а также решение Ученого совета ИИМК РАН об ошибочности его увольнения из ЛОИА АН СССР и признании его заслуг перед отечественной археологией. Издание сопровождается фотографиями, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и в личных архивах авторов, многие из которых публикуются впервые.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS includes selected materials presented by participants of the conference “Ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg – 2” held in Saint Petersburg in December, 2018, and timed to the 90th anniversary of A. D. Grach – a prominent national archaeologist, outstanding researcher of antiquities of Central Asia and the founder of two Leningrad archaeological schools: archaeological studies of Tuva and archaeological investigations of Leningrad / Saint Petersburg. A particular section is concerned with urgent problems of rescue archaeological investigations in submergence zones at the examples of Russian and foreign scholars. The memorial part contains reminiscences by younger colleagues and friends of A. D. Grach about his scientific career in archaeology characterizing many aspects of his personality and his contribution to the progress of archaeology of Tuva and Saint Petersburg. An important part was constituted by documentary evidence concerned with A. D. Grach’s work in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), AS USSR, and his guidance of the largest in the USSR Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences, as well as the resolution of the Scientific Council of IIMK on the fallaciousness of his dismissal from the LOIA AS USSR and recognition of his service to the national archaeology. The publication includes photographs kept at the Scientific Archives of IIMK RAS and in personal archives of the authors; many are published for the first time.

Обложка / Cover:

Первая страница – Роговая поясная пряжка из кургана 13 могильника Саглы-Бажи II (к статье Л. С. Марсадолова)

Fist page of cover – Horn belt buckle from barrow 13 at the cemetery of Sagly-Bazhi II (article by L. S. Marsadolov)

Четвертая страница – Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря) и петроглифы Овьюра (петроглифы – к статье В. С. Бусовой, М. Е. Килуновской)

Fourth page – Road to Stary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea) and petroglyphs in Ovyur (petroglyphs – article by V. S. Busova and M. E. Kilunovskaya)

ISSN 1817-6976

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

# СЕМАНТИКА НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СТИЛИЗОВАННЫХ ОЛЕНЕЙ И СЦЕН С ХТОНИЧЕСКИМИ ХИЩНИКАМИ В КИТАЕ<sup>1</sup>

А. В. Варенов<sup>2</sup>

**Аннотация.** На территории КНР петроглифы «в стиле оленных камней» (стилизованные олени) открыты в горах Алтая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в горах Иньшань и степи Уланьчаб на юге Внутренней Монголии и в лежащих южнее горах Хэланьшань в Нинся-Хуэйском автономном районе. По мнению Д. Г. Савинова, в их основе лежит представление о жертвенных оленях-тотемах, чья смерть обеспечивает обновление природного мира и социума. Однако большинство сцен охоты лучников и / или собак на стилизованных оленей нельзя уверенно датировать временем оленных камней. Автор считает, что сцены терзания отражают посмертные испытания человеческой души в преисподней. По его мнению, каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворял Вселенную и в то же время Первопредка древнего коллектива (племени?), а фигуры оленей соответствовали входившим в него социальным группам, имевшим дуально-эксгамную родовую организацию.

**Annotation.** On the territory of the PRC, 'stag stone style' petroglyphs (or 'stylized' deer) were discovered in Altay Mountains in the Xinjiang-Uyghur Autonomous region, Yinshan Mountains and Wulanchabu Grassland in the southern part of the Inner Mongolia Autonomous region and further south in the Helan Mountains of the Ningxia-Hui Autonomous region. D. G. Savinov supposed that they are based on the idea of sacrificial deer, whose death enables the renewal and reproduction of nature and society. However, most of the scenes with archers and/or dogs hunting 'stylized' deer don't belong to 'stag stone' period. The author argues that all these scenes depict trials of a human soul in the underworld. He believes that the stag stone represents the Universe and the divine ancestor of a tribe at the same time, whereby the images of deer on its surface reflect the social organization of the ancient society with a dual-exogamic clan structure.

**Ключевые слова:** Китай, петроглифы «в стиле оленных камней», охота на стилизованных оленей, проблема датировки сцен охоты, сцены терзания, семантика.

**Keywords:** China, 'stag stone style' petroglyphs, hunting stylized deer, problem of dating hunting scenes, scenes with predators, semantics.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-178-187

Первым серьезное внимание на изучение наскальных изображений «в стиле оленных камней» обратил Д. Г. Савинов. Он имел в виду «своеобразный и яркий изобразительный канон, представленный на оленных камнях монголо-забайкальского типа, для которого характерны изображения оленей с плавно очерченным туловищем и треугольным выступом на спине; клювообразной мордой с листовидным ухом и большим округлым глазом <...>; ветвистыми, вытянутыми вдоль всей спины рогами»

(Савинов, 1990. С. 174). Такие изображения были ему известны в Монголии, Забайкалье, Туве, Горном Алтае и в Казахстане (Там же. С. 174–175).

На территории КНР петроглифы «в стиле оленных камней» (далее также «стилизованные олени») открыты в трех административно-территориальных единицах провинциального уровня: 1) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), лежащем к западу от Монголии; 2) в южной части Автономного района Внутренняя Монголия, лежащем к югу от нее; 3) в Нинся-Хуэйском автономном районе, находящемся еще дальше на юг. В Синьцзяне петроглифы «в стиле оленных камней» встречаются в китайской части Монгольского Алтая, во Внутренней Монголии – в горах Иньшань и степи Уланьчаб к северу от них, а в Нинся – в горах Хэланьшань.

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи древности и средневековья)».

<sup>2</sup> 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт, кафедра востоковедения. Адрес электронной почты: avvarenov@mail.ru.

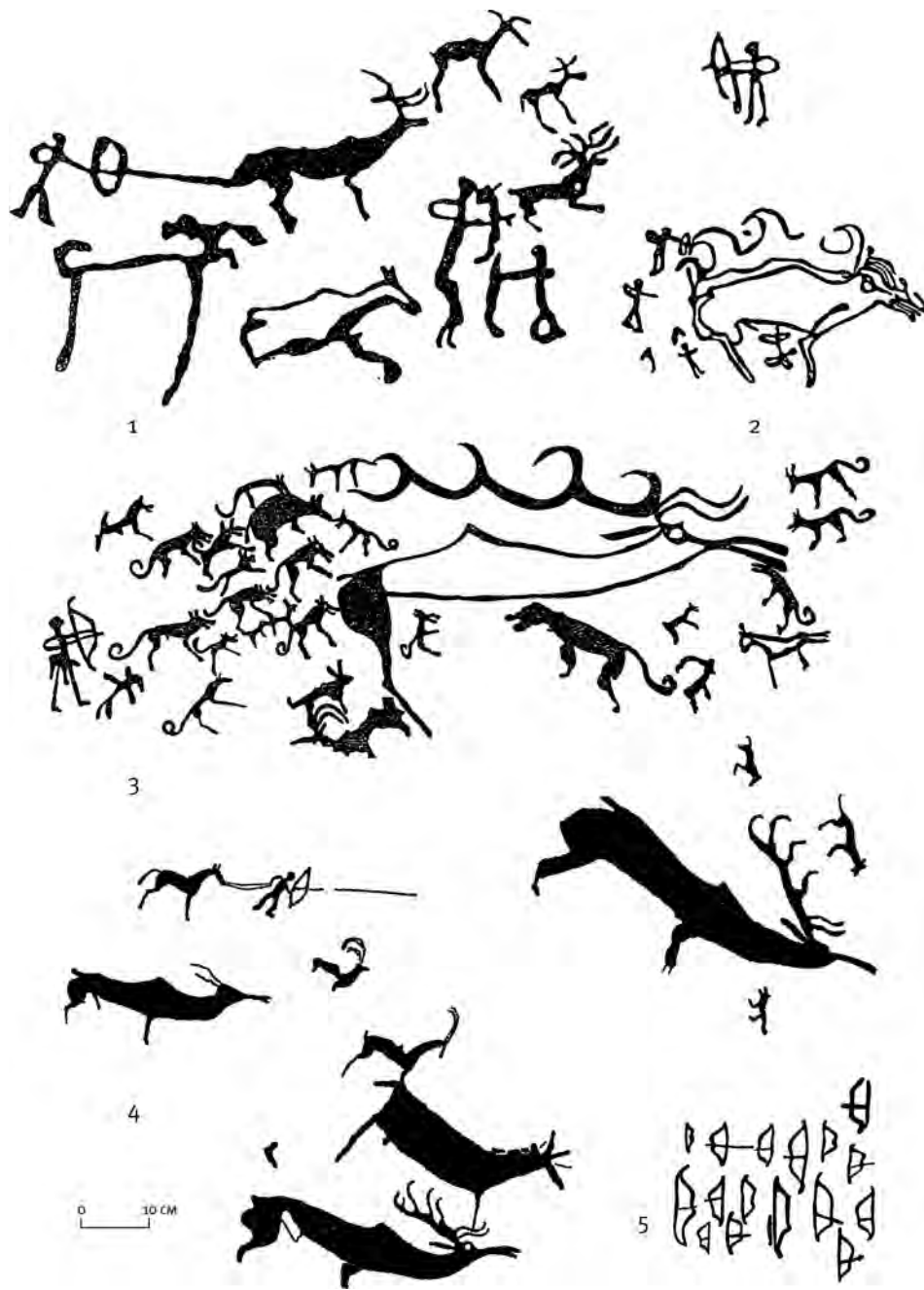
К настоящему времени в Синьцзяне обнаружено порядка 50–60 оленных камней, из них 10–12 – в монголо-забайкальском стиле, а остальные – в «общеевразийском» стиле, т. е. без изображений оленей. Камней саяно-алтайского стиля в Китае нет. Во Внутренней Монголии и в горах Хэланьшань нет вообще никаких оленных камней: ни общеевразийских, ни монголо-забайкальских, ни саяно-алтайских. В Синьцзяне известно не менее 15 пунктов с наскальными изображениями стилизованных оленей, в Нинся – не менее восьми, и во Внутренней Монголии – около шести-семи, в зависимости от степени их стилизации (Варенов, 2018б. С. 12–22). В целом, с монгольскими и горно-алтайскими изображениями стилизованных оленей больше всего схожи рисунки из Синьцзяна и Внутренней Монголии, территориально наиболее близкие к ним.

Среди особенностей китайских петроглифов «в стиле оленных камней» можно отметить, так же как и для стилизованных оленей из иных регионов, более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариабельность фигур, наличие изображений не только самцов, но и самок. Считается, что в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и для каменных изваяний. В их основе, по мнению Д. Г. Савинова, лежит представление о жертвенных оленях-тотемах, чья смерть обеспечивает обновление природного мира и социума (Савинов, 1994. С. 139–142). Вслед за ним Д. В. Черемисин еще 20 лет назад писал, что «с идеей жертвенного оленя в стиле оленных камней связаны гигантские (до двух метров) фигуры» из ряда пунктов Горного Алтая (Черемисин, 1998. С. 614). Позже он отмечал, что «наиболее часто повторяющийся сюжет с участием стилизованных оленей в петроглифических композициях – это включение их в качестве преследуемых или атакуемых хищниками животных или как добычи охотника (возможно, жертвы)» (Черемисин, 2012. С. 312).

На территории КНР из 30 известных на данный момент пунктов с изображениями стилизованных оленей есть только два со сценами охоты на них лучников, но без участия собак. Это Толиньгоу из уезда Дэнкоу (рис. 1, 1) и Цзигунхайлэсытай из хошуна Улатэчжунци (рис. 1, 2); обе композиции рас-

положены во Внутренней Монголии. Однако наскальные сцены охоты на стилизованных оленей могут быть и результатом добавления в более позднее время фигурок лучников и / или собак к уже существовавшим ранее композициям. Аргумент Э. А. Новгородовой, что «воин (охотник) всегда пеший (что важно для определения даты рисунка), вооружен луком и стрелами» не кажется убедительным (Новгородова, 1984. С. 98–100). Д. В. Черемисин приводит пример, когда «на памятнике Кара-Оюк на юго-востоке Российского Алтая зафиксировано включение стилизованного «клювовидного» оленя в сцену, где в него стреляет лучник, удерживающий лошадь за повод» (Черемисин, 2012. С. 312). Впрочем, вопрос, одновременно ли со стилизованным оленем появился на скальной плоскости этот лучник и сразу ли он «взял под уздцы» лошадку, также изображенную «в стиле оленных камней», остается без ответа (рис. 1, 4). Кроме того, манеры изображения фигурок охотников на стилизованных оленей заметно различаются между собой даже в рамках одной композиции (см. рис. 1, 1).

Идеальным способом определить, какие именно из наскальных изображений охотников на стилизованных оленей синхронны своим объектам охоты и синхронны ли они вообще, стало бы открытие среди гравировок на поверхности оленных камней монголо-забайкальского стиля небольших антропоморфных фигурок с луками в руках. Но на стелах, за единственным исключением (Волков, 2002. С. 166), никаких антропоморфных изображений нет, если, конечно, не считать самих оленных камней. Однако путь сравнения наскальных сцен охоты на стилизованных оленей с рисунками на оленных камнях нельзя признать полностью тупиковым. Сами по себе фигурки лучников мы датировать не можем, но зато можем датировать их оружие. Нам уже приходилось указывать, что правильный способ получения даты наскального изображения методом аналогий – сравнение одного рисунка с другим, «а не с реальной вещью – оружием, животным, повозкой или чем-то еще» (Варенов, 2018а. С. 35). Поэтому для датировки фигурок охотников на стилизованных оленей (вернее, их оружия) так важны рисунки луков, которые встречаются на оленных камнях монголо-забайкальского стиля. Имеются в виду не луки, спря-



**Рис. 1.** Сцены охоты на стилизованных оленей в наскальном искусстве и изображения луков на оленных камнях монголо-забайкальского стиля. 1 – из Толиньгоу (уезд Дэнкоу, Внутренняя Монголия); 2 – из Цзигунхайлэсытай (хошун Улагэчжунци, Внутренняя Монголия); 3 – с р. Чулуут (Монголия); 4 – из Кара-Оюка (Горный Алтай, Россия); 5 – изображения луков с наложенной на тетиву стрелой на оленных камнях. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (1, 2 – Гай Шаньлин, 1986. С. 24, 268; 3 – Новгородова, 1984. С. 100; 4 – Черемисин, 2012. С. 312; 5 – Новгородова, 1989. С. 194)

**Fig. 1.** Scenes of hunting stylized deer in the rock art and pictures of bows on Mongolian-Transbaikal style stag-stones. 1 – from Tuolingou (Dengkou county, Inner Mongolia); 2 – from Jigonghailsitai (Ulatezhongqi banner, Inner Mongolia); 3 – from Chuluut river (Mongolia); 4 – from Kara-Ouk (Russia); 5 – pictures of bows on Mongolian-Transbaikal style stag-stones. The size of individual figures and composition of plate are designed by A. V. Varenov (1, 2 – Гай Шаньлин, 1986. С. 24, 268; 3 – Новгородова, 1984. С. 100; 4 – Черемисин, 2012. С. 312; 5 – Новгородова, 1989. С. 194)



таные в налучья, а небольшие изображения луков с наложенной на тетиву стрелой. Таких рисунков известна целая серия, причем луки на них все однотипные – сигмовидной формы, с загибающимися вперед на концах кибити рогами (рис. 1, 5).

Увы, таких луков у охотников на оленей из Внутренней Монголии нет, что не значит, что их вообще не существовало. У стрелка на приводимой Э. А. Новгородовой наскальной сцене охоты с реки Чулуут (Монголия) лук именно сигмовидный, как и на оленных камнях (рис. 1, 3). Такие особенности иконографии чулуутского лучника, как «профильное» изображение направленных в одну сторону ступней широко расставленных ног, дополнительное снаряжение на поясе (колчан? налучье?) и, возможно, отчетливо выраженный признак мужского пола (?), следует рассматривать в качестве вероятных хронологических маркеров «эпохи оленных камней монголо-забайкальского стиля» для других фигурок воинов и охотников. Это означает, что для всех не похожих на лучника с р. Чулуут охотников на стилизованных оленей верхняя граница даты последних окажется *terminus post quem*.

Кроме лучника, в сцене охоты с р. Чулуут участвуют многочисленные собаки с закрученными на конце длинными хвостами. Только вот стилизованного ли оленя они преследуют? Помимо очень крупной (поистине «космического» масштаба) фигуры оленя, в композиции присутствует и сопоставимое с собаками по длине, но более широкое (толстое) животное с коротким хвостом, изображенное чуть выше и левее крупа оленя, на уровне кончика его рогов. Возможно, это кабан. Именно его и окружают собаки, бегущие выше крупа оленя не вслед или параллельно, а навстречу «кабану», и даже те, что изображены под брюхом оленя или близ его морды. Да и лучник нацелил свою наложенную на тетиву стрелу (если продолжить ее траекторию по линейке) выше фигуры оленя, куда-то в район его рогов. Так что не исключено, что сцена охоты на кабана на р. Чулуут появилась все же не одновременно с крупной фигурой стилизованного оленя, а несколько позже нее.

На самих оленных камнях, как и в наскальных композициях, стилизованных оленей никто из хищников не терзает и не разрывает на части. В сценах терзания там фигурируют иные персона-

жи. В ущелье Сууйкоу (уезд Хэлань) стилизованные олени окружают сцену терзания (рис. 2, 2), где два хищника приготовились вцепиться в человеческую фигурку (рис. 2, 1). Композиционно близкая сцена терзания обнаружена в верхней части оленного камня № 15 из Ушкийн-Увэра в Хубсугульском аймаке МНР (рис. 2, 3). В. В. Волков и Э. А. Новгородова описали ее как «сцену с кошачьими хищниками, съедающими коня», возможно из-за пятен, покрывающих шкуры животных (Волков, Новгородова, 1975. С. 81). На оленном камне № 4 из этого же местонахождения изображена стая из пяти подобных зверей, преследующих лошадь.

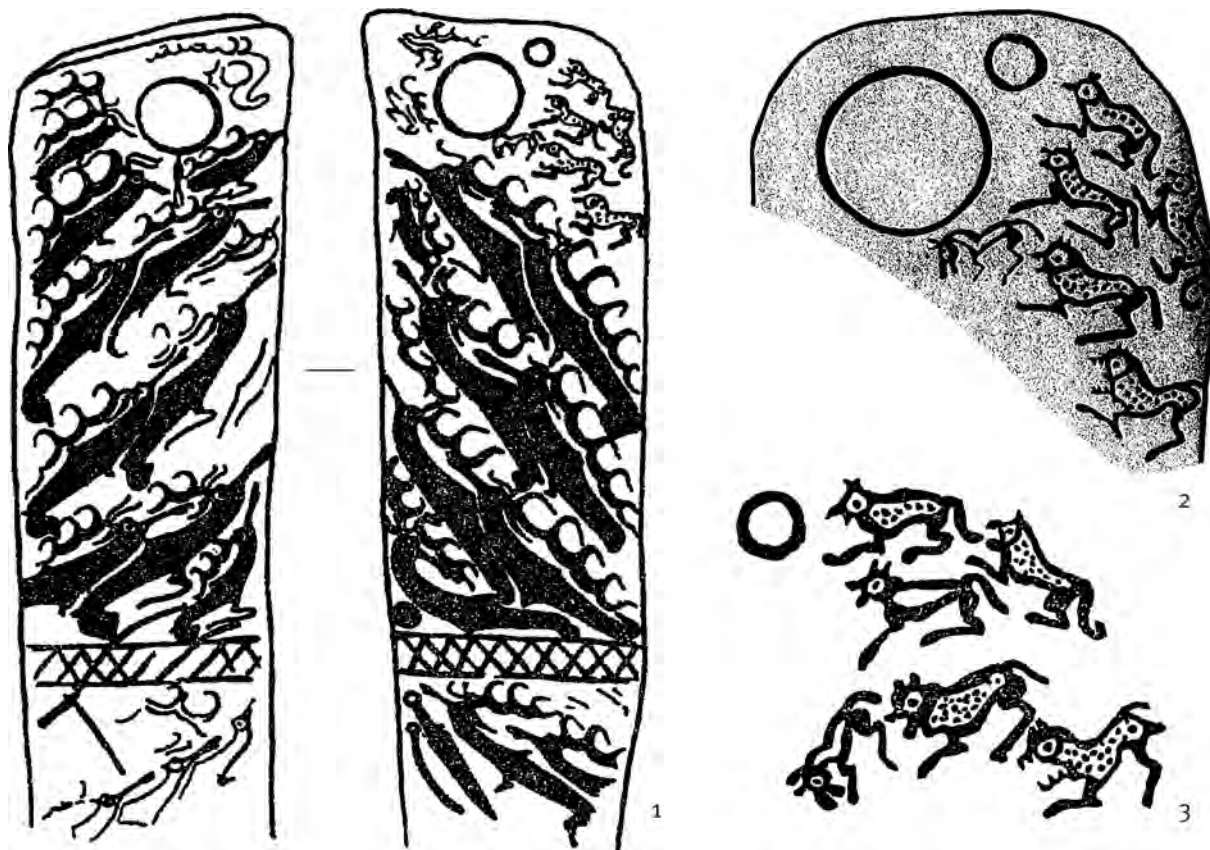
В совместной статье В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой об Ушкийн-Увэре рисунка камня № 4 нет. В монографии В. В. Волкова об оленных камнях изображения хищников слишком мелкие, чтобы разглядеть какие-то детали (рис. 3, 1). Прорисовки Э. А. Новгородовой 1980 (рис. 3, 2) и 1984 гг. (рис. 3, 3) заметно отличаются как друг от друга, так и от варианта В. В. Волкова. Внести некоторую ясность может фотография камня № 4, сделанная автором непосредственно в Ушкийн-Увэре в 2013 г. (рис. 4). Первые исследователи камня № 4 назвали бегущих за конем зверей «пятнистыми хищниками, скорее всего барсами». Они писали: «Очевидно, это стая барсов, представленная в момент охоты на бегущего перед ними коня» (Волков, Новгородова, 1975. С. 82). В. В. Волков и Э. А. Новгородова воспроизвели фразы о «барсах» и «кошачьих хищниках» и гораздо позже – в своих индивидуальных монографиях (Новгородова, 1989. С. 206; Волков, 2002. С. 79, 83). Но из крупных кошек никто (кроме гепардов) не преследует свою добычу и никогда (кроме львов, вернее, львиц) не охотится группами, предпочитая индивидуальную охоту из засады. Преследование добычи стаями характерно для собак и других канисовых. В исторически известное время, начиная с конца плейстоцена, ареалы распространения львов и гепардов никогда не включали Монголию.

По мнению Д. Г. Савинова, анализировавшего рисунки хищников на оленных камнях, «особого внимания заслуживают изображения фантастических животных, сочетающих признаки различных хищных зверей, в первую очередь кошачьих хищников и волков (или собак)», которых он считал персонажами «скорее всего, хтонического проис-



**Рис. 2.** Сцены с двумя хтоническими хищниками. 1, 2 – из Сууюкоу (уезд Хэлань); 3 – из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия); 4 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 5 – из Дадивань (уезд Циньань, пров. Ганьсу); 6 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). 1–3 – наскальные изображения; 4, 6 – бронза; 5 – керамика. Масштабы разные. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (1, 2 – Гай Шаньлин, Гай Чжэхао, 2002. С. 408; 3 – Nowgorodowa, 1980. P. 178; 4 – Дуань Шуань, 2005. С. 4; 5 – прорисовка по фотографии, сделанной А. В. Вареновым в Музее пров. Ганьсу; 6 – Пилацзоли, 1990. С. 81)

**Fig. 2.** Scenes with two chthonic predators. 1, 2 – from Suyukou (Helan county); 3 – from Ushkijn-Uver (Khövsgöl aimag, Mongolia); 4 – from Shangcunling (Henan province); 5 – from Dadiwan (Qingan county, Gansu province); 6 – from Shizhaishan (Yunnan province). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A. V. Varenov (1, 2 – Гай Шаньлин, Гай Чжэхао, 2002. С. 408; 3 – Nowgorodowa, 1980. P. 178; 4 – Дуань Шуань, 2005. С. 4; 5 – drawing after photo made by A. V. Varenov in Gansu provincial museum; 6 – Пилацзоли, 1990. С. 81)



**Рис. 3.** Олений камень № 4 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия). 1 – общий вид; 2, 3 – деталь с хищниками, преследующими коня. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (1 – Волков, 2002. С. 189; 2 – Nowgorodowa, 1980. P. 134; 3 – Новгородова, 1984. С. 99)

**Fig. 3.** Stag-stone No 4 from Ushkijn-Uver (Khövsgöl aimag, Mongolia). 1 – general view; 2, 3 – detail with predators chasing a horse. The size of individual figures and composition of plate are designed by A. V. Varenov (1 – Волков, 2002. С. 189; 2 – Nowgorodowa, 1980. P. 134; 3 – Новгородова, 1984. С. 99)

хождения» (Савинов, 1994. С. 132). Композиционно схожая с Ушкийн-Увэром и Сууюйкоу сцена отлита на тыльной стороне бронзового зеркала, обнаруженного в погребении М1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань, КНР (рис. 2, 4) (Шанцуньлин, 1959. С. 27). Она изображает «двух зверей, похожих на тигров, но с учетом окраса шкуры, скорее, леопардов», готовых растерзать (или сцеспиться из-за) травоядного (рис. 5, 1) (Го Можо, 1959. С. 14). Зеркало из Шанцуньлина дает более точную дату для композиций из Ушкийн-Увэра и Сууюйкоу. Шанцуньлин был кладбищем верхушки царства Го, в 655 г. до н. э. захваченного другим царством – Цзинь, так что никакая могила данного памятника не может датироваться позднее середины VII в. до н. э. Большинство же из них датируется одним временем: вторая половина IX – первая половина VIII в. до н. э. (Комиссаров, 1985. С. 9–10).

Однако корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае гораздо глубже эпохи Чжоу. На неолитическом сосуде расписной керамики со стоянки Дадивань в уезде Циньань пров. Ганьсу нарисованы две собаки, готовые подраться из-за рыбы, лежащей между ними (рис. 2, 5). Считается, что орнаментальные пояса на неолитической керамике Китая обозначали различные уровни Вселенной. Пояс с собаками и рыбой на кувшине из Дадивань ограничен сверху двумя горизонтальными линиями (рис. 5, 2) и может представлять преисподнюю (Нижний мир) (Кудинова, 2016. С. 36). По данным В. В. Евсюкова, изучавшего мифологию китайского неолита по материалам крашеной керамики, образ рыбы в этой изобразительной традиции символизирует человеческую душу (Евсюков, 1988. С. 84–85, 89–90). Так что сцена на кувшине



**Рис. 4.** Олений камень № 4 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия): 1 – общий вид; 2 – деталь с хищниками, преследующими коня. Фото А. В. Варенова, 2013 г.

**Fig. 4.** Stag-stone No 4 from Ushkijn-Uver (Khövsgöl aimag, Mongolia): 1 – general view; 2 – detail with predators chasing a horse. Photo by A. V. Varenov, 2013

из Дадивань, скорее всего, запечатлела ее посмертные испытания в преисподней, возможно, как залог будущего возрождения. Наскальные композиции из Суюйкоу и Ушкийн-Увэра, так же как и сцена на зеркале из Шанцуньлина, могли иметь аналогичное значение, только человеческую душу в традициях этих культур представляли иначе.

У создателей оленных камней души их соплеменников, скорее всего, воплощались в образе коней. Не зря комплексы с оленными камнями монголо-забайкальского стиля из центральной части Монголии сопровождаются многочисленными каменными колечки-жертвенники, внутри которых

бывают захоронены черепа лошадей (возможно, вместе со шкурами). Для хозяев зеркала из Шанцуньлина их души воплощались в каком-то ином копытном животном, а в горах Хэланьшань душу представляли в виде человеческой фигурки. Древнекитайская иконографическая традиция, когда душа изображается в виде рыбы, доживает как минимум до IV–III вв. до н. э. На обушке трубчатой втулки боевого топора культуры Дянь из погребения 12 могильника Шичжайшань отлиты два ящера и лежащая между ними рыба (рис. 3, б; 5, з) (Пилацзоль, 1990. С. 81). Впрочем, еще Д. Г. Савинов отмечал шичжайшаньские и ордосские



**Рис. 5.** Сцены с двумя хтоническими хищниками. 1 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 2 – из Дадивань (уезд Цинъянь, пров. Ганьсу); 3 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). 1, 3 – бронза, 2 – керамика. Масштабы разные. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А. В. Вареновым (1 – Дуань Шуань, 2005. С. 6; 2 – из музея пров. Ганьсу, фото А. В. Варенова; 3 – Чжан Дуньшэн, 1993. С. 88)

**Fig. 5.** Scenes with two chthonic predators. 1 – from Shangcunling (Henan province); 2 – from Dadiwan (Qingan county, Gansu province); 3 – from Shizhaishan (Yunnan province). All figures are of different scales. The size of individual figures and composition of plate are designed by A. V. Varenov (1 – Дуань Шуань, 2005. С. 6; 2 – from Gansu provincial museum, photo by A. V. Varenov; 3 – Чжан Дуньшэн, 1993. С. 88)

бронзы среди восточных аналогий изображениям фантастических хищников с оленных камней (Савинов, 1994. С. 132).

Что касается семантики монголо-забайкальских оленных камней и выбитых на них оленей, то нам уже приходилось высказывать мнение, что «каждый

оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворяет первопредка того или иного древнего коллектива (племени?), а отдельные фигуры оленей соответствуют входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам» (Варенов, 2016. С. 210). Не случайно количество оленей

на каждой отдельной стеле в том же Ушкийн-Увэре, как правило, четное, а часто и кратное четырем (12, 16, 20, 24 экз.), что хорошо соответствует фратриальной структуре общества, каждая фратрия в котором имела дуально-экзогамную родовую организацию. Тогда наскальное изображение отдельного стилизованного оленя свидетельствовало о желании члена древнего социума обозначить свой род, аналогично нанесению на скалы тамги в более поздний период.

Две разнополюсы фигуры оленей на одной скальной плоскости отражали ситуацию, когда художник хотел отметить не только свой род, но и род жены, связанный с его собственным родом в рамках дуально-родовой организации. Естественно, что, с точки зрения всего племени и его первопродка,

воплощенного в оленном камне, все роды гендерно равны, поэтому на стелах и нет изображений важенок (олений-самок). Небольшие фигуры коней на оленных камнях обозначали души покойных со-родичей. Преследующие их (или нанесенные отдельно) фигуры хищников могли свидетельствовать о загробных испытаниях душ умерших. Для предложенного понимания семантики всего оленного камня и отдельных фигур оленей, коней и хищников, нанесенных на его поверхность, в принципе, не так уж и важно, как именно интерпретируются и именуется включающие оленные камни ритуальные комплексы: святилища (*Новгородова*, 1989. С. 222; *Варенов*, 2016. С. 210), жертвенники (*Новгородова*, 1989. С. 201–214; *Волков*, 2002. С. 16) или кенотафы (*Ковалев и др.*, 2014; 2016).

- Варенов*, 2016 – *Варенов А. В.* О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *StratumPlus*. 2016. № 2. С. 195–211.
- Варенов*, 2018а – *Варенов А. В.* О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. Вып. 4: Востоковедение. С. 30–39. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-30-39.
- Варенов*, 2018б – *Варенов А. В.* Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. Вып. 10: Востоковедение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29.
- Волков*, 2002 – *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Волков*, *Новгородова*, 1975 – *Волков В. В.*, *Новгородова Э. А.* Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // *Первобытная археология Сибири* / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 78–84.
- Евсюков*, 1988 – *Евсюков В. В.* Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1988. 128 с.
- Ковалев и др.*, 2014 – *Ковалев А. А.*, *Рукавишникова И. В.*, *Эрдэнэбаатар Д.* Оленные камни – это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // *Древние и средневековые изваяния Центральной Азии* / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. С. 41–54.
- Ковалев и др.*, 2016 – *Ковалев А. А.*, *Эрдэнэбаатар Д.*, *Рукавишникова И. В.* Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // *АЭАЕ*. 2016. Т. 44. № 1. С. 20–30. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.000-000.
- Комиссаров*, 1985 – *Комиссаров С. А.* Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // *Дальний Восток и Центральная Азия* / Отв. ред. О. В. Зотов. М.: Наука, 1985. С. 3–12.
- Кудинова*, 2016 – *Кудинова М. А.* Образ собаки в неолитическом искусстве Китая // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. Вып. 4: Востоковедение. С. 33–41.
- Новгородова*, 1984 – *Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова*, 1989 – *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 384 с.
- Савинов*, 1990 – *Савинов Д. Г.* Наскальные изображения в стиле оленных камней // *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР* / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Наука, 1990. С. 174–181.
- Савинов*, 1994 – *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Черемисин*, 1998 – *Черемисин Д. В.* Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // *Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы междунар. симпозиума* / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 609–614.

- Черемисин*, 2012 – *Черемисин Д. В.* Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 310–315.
- Nowgorodowa*, 1980 – *Nowgorodowa E.* Alte Kunst der Mongolei. Leipzig: E. A. Seemann Verlag, 1980. 280 S.
- Гай Шаньлин*, 1986 – *Гай Шаньлин*. Иньшань яньхуа [蓋山林. 陰山岩畫]. Петроглифы гор Иньшань / Отв. ред. Лоу Юйдун. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1986. 2, 20, 442 с. (на кит. яз.).
- Гай Шаньлин*, *Гай Чжисхао*, 2002 – *Гай Шаньлин*, *Гай Чжисхао*. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2002. 546 с. (на кит. яз.).
- Го Можо*, 1959 – *Го Можо*. Саньмэнься чуту тунци эр-сань ши [郭沫若. 三门峡出土铜器二三事]. Две-три заметки о бронзовых изделиях, найденных в Саньмэнься // Вэньу. 1959. № 1. С. 13–15 (на кит. яз.).
- Дуань Шуань* (отв. ред.), 2005 – Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集. 第16卷. 銅鏡]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 16. Бронзовые зеркала. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 34, 216, 78 с. (на кит. яз.).
- Пилацзоли*, 1990 – *Пилацзоли Мисеэр (Pirazzoli Michele)*. Дянь вэньхуа дэ няндай вэньти [皮拉左里·米歇尔. 滇文化的年代问题]. Проблема хронологии культуры Дянь // Каогу. 1990. № 1. С. 78–86 (на кит. яз.).
- Чжан Дуньшэн* (отв. ред.), 1993 – Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集. 第14卷. 滇昆明]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 14. Дянь – Куньмин. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1993. 40, 180, 64 с. (на кит. яз.).
- Шанцуньлин*, 1959 – *Шанцуньлин Гого муди* [上村嶺號國墓地]. Могильник царства Го в Шанцуньлине. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1959. 178 с., ил. (на кит. яз.).

## Semantics of stylized deer in the rock art and scenes with chthonic predators in China

A. V. Varenov

On the territory of the PRC, ‘stag stone style’ petroglyphs (or ‘stylized’ deer) were discovered in Altay Mountains in the Xinjiang-Uyghur Autonomous region, Yinshan Mountains and Wulanchabu Grassland in the southern part of the Inner Mongolia Autonomous region and further south in the Helan Mountains of the Ningxia-Hui Autonomous region. D. G. Savinov supposed that they are based on the idea of sacrificial deer, whose death enables the renewal and reproduction of nature and society. However, most of the scenes with archers and/or dogs hunting ‘stylized’ deer don’t belong to ‘stag stone’

period (Fig. 1). Furthermore, the motif of ‘stylized’ deer being attacked or torn apart by a chthonic predator is never met in rock art or on stag-stones (Fig. 3; 4). The victims of chthonic predators’ attacks vary greatly (from a human to a fish) and are met in various contents (Fig. 2; 5). The author argues that all these scenes depict trials of a human soul in the underworld. He believes that the stag stone represents the Universe and the divine ancestor of a tribe at the same time, whereby the images of deer on its surface reflect the social organization of the ancient society with a dual-exogamic clan structure.